

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ЭТО БЫЛО НАЯВУ

ДЕВЯТОГО МАЯ

Я знаю, что в сегодняшнее утро
Отец проснётся раньше, чем обычно,
Побреется с тройным одеколоном
И, сняв с гвоздя армейский старый китель,
Воинственно медалями блеснёт.
За завтраком нальёт в стакан гранёный
Настойки той, что с осени берёт,
И потекут его рассказы-были,
Которыми богата память ран.
Вот, партизан в папахе с лентой красной,
Отец стоит у штаба на дозоре,
И, подходя к калитке, сам Щетинкин
Ему, как другу, руку подаёт...
А вот отец в Крыму, в степи сожжённой,
Прижав к груди винтовку, как ребёнка,
Ползёт вперёд, до боли стиснув зубы,
Под пересвистом врангелевских пуль...
А вот его без чувств, едва живого
Под Сталинградом через Волгу-реку
Переправляет незнакомый парень,
Чтобы в ближайший госпиталь отдать...

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края. По образованию учитель словесности, журналист. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда премий. Неоднократно публиковался в журнале "Наш современник". Живёт в Красноярске.

И, человек суровый и неробкий,
Отец заплачет тягостно и мокро
И станет сокрушённо удивляться
Тому, как смог остаться он в живых.
Потом закурит, по избе пройдётся,
Молодцевато ус седой подкрутит
И скажет бодро: “Да, несутся годы...
Но только у солдата порох сух.
И, если что (не дай тому случиться) —
Ещё тряхну, ей-богу, стариной!”

ПОСЛАНИЕ ЮНЫМ

Не ждите, друзья, слишком много
От жизни, доставшейся вам.
О неких “открытых дорогах”
Не верьте лукавым словам.
Навряд ли вам выпадет счастье,
Скорее — лишь отблеск его.
Господь отмечает не часто
Любимца в толпе своего.

Но ежели всё же отметит
Красою иль мудростью вас,
На этом неправедном свете
Удачи в придачу не даст.
И вы не надейтесь на чудо,
Что перехитрите судьбу.
Всё будет: Пилат и Иуда,
Голгофа и крест на горбу.

НАЧАЛО

“За лесом солнце воссияло,
Где чёрный ворон прокрича-ал...”
Под вздохи песни мама пряла,
Сестра ткала, отец тачал...

Никак не верится сегодня,
Что это было наяву.
Ушли все волею Господней,
А я пока ещё живу.

Какую странную судьбину
Мне Всемогущий начертал!
Подумать только: при лучине
Я книжки первые читал.

Подумать только: домотканый
Носил кургузый армячок.
Спал на печи, где неустанно
Скрипел невидимый сверчок.

Молол на жёрновце убогом
Вручную горсточку зерна,
Благодаря украдкой Бога
За то, что кончилась война.

В какой стране всё было это,
В какие “средние века”?
Воображение поэта
Бессильно здесь наверняка...

Но вот — село за перевалом,
Начало всех моих начал.
Над лесом солнце воссияло
И чёрный ворон прокричал.

ХОТЕЛ БЫ ВЕРИТЬ

Хотел бы верить в тот из сказки
Сентиментальный милый вздор,
Что голубь свил в военной каске
Миролюбивое гнездо.

Штампуют каски... К огорченью,
Не для гнездовой голубка.
Их по прямому назначенью
Ещё используют пока.

К земле прильнувши, где-то рядом
Не воркованье слышу я —
Грохочут дни железным градом
О кровли мирного жилья.

И при зарницах ночью грозной
Глядит тревожно со стены
В тяжёлой каске красnozвёздной
Брат, не вернувшийся с войны.